

Данная методическая разработка может быть рассмотрена в качестве базисного каркаса с подвижными пределами, восприимчивого к внутренней нестабильности относительно конкретных координат события учебного занятия.

Методическая разработка предлагаемого учебного занятия может использоваться широко – во всех учебных предметах гуманитарного цикла в вузе, колледже, в старших классах гимназий, лицеев и общеобразовательных школ, а также в системе дополнительного образования. Но не схоластически и механически, а творчески, что, без всякого сомнения, зависит от квалификации и профессионализма преподавателя, его умения адаптировать предлагаемую тему, ее содержание и технологии. Все это лишний раз говорит о том, что не только обучение, но и преподавание, если они творческие, обладают огромным развивающим личностный потенциалом.

Дерзайте, Вы галантливы!

Георгий Шеметов

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ И ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ. (Методическая разработка учебного занятия для гуманитарного цикла дисциплин)

В качестве отправной темы занятия нами были предложены вопросы, касающиеся параметров социальных норм и девиантного поведения. Однако, будучи проблематизированными с позиций множественных теоретических подходов и обобщающих связей, узкие социологические смыслы терминов «норма» и «отклонение» должны быть расширены до сложных контекстов экзистенциального, межкультурного, микрополитического, метаисторического, языкового и духовно-нравственного планов.

По сути, мы должны столкнуться с широким спектром локальных озарений в бесконечной топологии мыслительного континуума, каждое из которых может на разных этапах своего становления привести к промежуточным результатам, выявляющим «структурную невозможность закрыть сеть, фиксировать ее плетение» (Ж. Деррида), т. е. вскрыть перманентный процесс творческой дегерриториализации пульсирующих массивов значений.

Такая задача предполагает методику, ориентированную на инициирование живого, гибкого и гетерогенного опыта общения, практического овладения языковыми средствами, порождающими нестабильные смыслы и индивидуальные открытия рефлексивных миров (неповторимых с точки зрения путей и конфигураций их ментальной генеалогии в каждом случае). А также возможность обретения недоступного в перспективе повседневности взгляда на вещи, события и феномены мира.

Цель занятия конкретизируется в трех взаимосвязанных процессуально конституируемых задачах.

Во-первых, учащимся предлагается познакомиться с основными теоретическими сведениями относительно одного из социально-культурных аспектов деятельности как особого онтологического среза современных общественных взаимодействий и человеческого существования в тех проблематических и расширяющих контекстах, о которых говорилось выше.

Во-вторых, предполагается развитие глубинных способностей к автономному и творческому мышлению, избыточному по отношению к любым границам – как к собственно языковым (умение видеть принудительную силу исторически задаваемых и хронологически мутируемых грамматических и эстетических структур языка), так и к концептуальным (умение раздвигать рамки тех или иных объяснительных теорий, видеть их методологические достоинства и недостатки, сопоставлять полиморфные альтернативы, избегая клаустрофобии метанарративного охвата).

Интерес представляет обнаружение точек «сдвига» внутри социальной структуры, внутри структуры субъективности и внутри теоретических образований, дающих возможность моделирования сложной перспективы различения. Важно грамотно «схватывать» внутренние логики неподготовленного и аморфного сознания реципиента, феноменологически переопределяя формы и очертания транслируемого материала в синхронности разомкнутых корреляций.

Наконец, в-третьих, речь идет о функции образования, условно называемой «воспитательной», связанной со стремлением к свободному и творческому самоосуществлению и самореализации, с необходимыми умениями ориентироваться в сложном и амбивалентном мире постиндустриальных динамик. Это подразумевает соответствующие методические усилия, индивидуализированным образом направляемые (через множест-

венные и варьирующие психологические, коммуникативные и дискурсивные практики) и осуществляемые в непосредственной действительности институций, времени и пространства. При этом усложнение и разрастание эмоциональных, экзистенциальных и деятельностных измерений личности не должно сковываться параметрами ригидной общественной системы. Если органические изменения в рамках структуры запаздывают по отношению к первичным проявлениям коммуникативной трансгрессии внутри социального тела, а ее схематизмы претендуют на то, чтобы выступать в качестве легитимирующего альтернативные речевые потоки центра, следует прибегнуть к обнажению и революционному утверждению маргинальных новообразований во имя толерантного гетерогенеза, взаимопонимания и мира без границ.

Мы убеждены, что позиционирование преподавателя не должно выполнять функцию центрирования пространства обучения и становления (кроме его естественных задач по обозначению векторов новых проблематизаций). Ситуация множественного контакта означает событие, где рассеивается субъектно-объектная парадигма восприятия и вводится принцип эвристичного полилога, при котором теряется и элиминируется статус доминирования, оборачиваясь индетерминированными, каждый раз переопределяемыми практиками эмпатии, толкования, психофизических состояний и динамических реакций косвенной ментальной координации. Главное – найти оптимальный вариант соприкосновения каждого участника общения между собой в конкретной конфигурации взаимного и свободного интеллектуального действия (в том числе при помощи физических, предметных способов дестабилизации дисциплинарного пространства школы, что клеймит, изгибает и нормализует тела, впечатывая в них коды власти), учитывая сингулярные особенности и характеристики учащихся.

Важно обратить внимание на различия (национальные, гендерные, культурные, психологические и т. д.) и позволить им не считаться с принципом оппозиции, чтобы растворилась сама сила функционально репрессивных бинарностей.

С самого начала занятия обучающимся предлагается несколько текстов и творческих заданий, вводящих в область вопросов, связанных с непосредственной темой занятия «Социальные нормы и девиантное поведение».

Дидактический материал для 1 группы

1. Прочитайте текст, который был размещен на сайте Революционной Ассоциации Женщин Афганистана (www.rawa.org), а также опубликован в книге «Радикальный Ислам» под редакцией А. Парфрея (русский перевод – «Аллах не любит Америку», М.: Ультра-Культура, 2003, с. 384):

РАСПЛАТА ЗА ТОНКИЕ ЧУЛКИ

5 июля 1997 года примерно в 11.30 утра я прогуливалась по дороге в сторону северной части парка Шах-и-Нао (парк в центре Кабула). Я была недалеко от входа в Министерство мучеников и инвалидов, когда передо мной появился талиб, держащий в руках ремень, сплетенный из стального кабеля. На мне была чадра, и мне стоило немало мучений сделать так, чтобы мой внешний вид был в полном согласии с предписаниями Талибана. Я так и не смогла понять, что же я сделала такого, что рассердило это чудовище. Талиб злобно спросил меня на кандагарском диалекте пуштунского языка: «Чулки, которые ты надела, – луковая шелуха. Что ты станешь говорить в день Суда? Ты будешь гореть в вечном огне!».

Я не была так глупа, чтобы пытаться оправдаться. Я жалобно сказала ему, что я по глупости забыла, что такие чулки запрещены; я допустила серьезную ошибку и дала обязательство никогда не делать подобного в будущем. Мое самоуничижение не примирило талиба: «У тебя всегда хватало ума не забывать свои книги, авторучки и учебу и скулить при этом, что тебе запретили ходить в школу, но тебе не хватило ума понять, что броская одежда непристойна!». Я поняла, что разговариваю с кретинном, и страх того, что он мог сделать со мной, лишил меня языка. Я не произнесла ни слова.

Начала собираться толпа. «Немедленно произнеси тоба (унизительное принародное покаяние) прямо здесь в наказание за тонкие чулки!» – приказал он. Я почувствовала на себе сквозь чадру взгляд толпы. Я промокла от пота и чувствовала, что задыхаюсь. У меня был выбор между двумя видами боли и унижения: публичной поркой и публичным покаянием. Я выбрала меньшее из зол. Вплоть до сегодняшнего дня я вижу в своих ночных кошмарах, как я трижды громко повторяю формулу публичного покаяния так, чтобы слышали все, посреди толпы на городской улице, клянясь в том, что я никогда, никогда не буду столь распутной, чтобы снова надеть тонкие чулки. Когда закончится этот кошмар?

Слово «норма» латинского происхождения и означает буквально: руководящее начало, правило, образец. Условно и операционально можно различить такие виды социальных норм, как обычаи и традиции, которые поддерживаются силой общественного авторитета, а также правовые, моральные, политические, религиозные и даже эстетические нормы, возникающие и усложняющиеся в ходе развития общественных отношений, материальной и духовной культуры. В качестве причин отклоняющегося поведения различные исследователи выделяют биологические, психологические и социально-культурные.

Вопросы для размышления и обсуждения в группе

1. Как вы считаете, какие из видов примененных социальных норм и санкций были реализованы в случае, описанном в прочитанном вами тексте, и почему это были именно они?

2. Можно ли представить себе ситуации, когда различные виды норм, действующих в одном и том же сообществе, противоречат друг другу?

3. В каких формах возможно разрешение этих противоречий по отношению к самоописаниям обществ (их пространственно-временным и историческим самооправданиям) и к идентификационным знакам различных индивидов и социальных групп?

4. Где, по-вашему, располагается граница, отделяющая индивидуальное эксцентричное поведение от социально опасных явлений, таких, как преступность, национальная нетерпимость, культурная вражда?

5. Поразмышляйте над проблемами трансформаций понятий «нормальности» и «ненормальности» применительно к психике человека в эпоху виртуализации и информатизации, а также о причинах возникновения феномена, получившего название «религиозный (а также национальный) фундаментализм».

6. Знакомы ли вы с такими понятиями, как «культурная шизофрения», «карательная психиатрия», а также с теориями и практиками антипсихиатрических движений на Западе и в нашей стране?

7. Что вы подразумеваете под терминами «нация», «национальность», «религия», «вера», «глобализация»?

8. Каким образом динамики исторического становления и развития человеческих социумов и их духовные, символические и языковые подсистемы

темы оказывают влияние на способы определения перечисленных выше феноменов?

9. Как вы считаете, возможно ли существование нации как эссенциальной культурной или геополитической автономии? Попытайтесь дифференцировать смысловые оттенки таких понятий политического дискурса, как «массы», «народ» и «нация», а также приведите примеры их спекулятивного употребления в речевых потоках представителей государственной власти, политических и общественных объединений, СМИ.

Дидактический материал для 2 группы

Предлагаемый ниже текст представляет собой фрагменты из художественного произведения французского писателя Луи-Фердинанда Селина (Дегуша) (1894–1961) «Путешествие на край ночи» (Кишинев, *Axul* – Z, 1995, с. 79–82), работа над которым продолжалась с 1928 по 1932 гг., и который был впервые переведен на русский язык в сокращенном варианте Эльзой Триоле в 1934 г. Это – трагический поток экзистенциальных переживаний и размышлений одного из героев романа Преншара (находящегося в военном госпитале и осужденного за кражу консервов). Это литературный образец безысходного «вопля» одинокого человека, оказавшегося перед лицом смертельных угроз в плену у отчужденного и бесчеловечного марева планетарной бойни:

...Война явно продолжается слишком долго... И по мере того, как она продолжается, уже не отвергают индивидов, достаточно отвратительных, чтобы быть противным Родине... Она теперь принимает все жертвы, откуда бы они не приходили, все виды мяса подходят теперь для Родины... Она стала бесконечно снисходительной в подборе своих мучеников, Родина! В настоящее время нет больше солдат, недостойных ношения оружия, а особенно недостойных умереть с оружием в руках и от оружия... Последняя новость: из меня сделают героя!.. Нужно, видеть, чтобы безумство резни зашло до предела, раз готовы простить кражу консервов! Да что там? Забыть! Разумеется, у нас есть привычка – каждый день восхищаться махровыми бандитами, богатство которых почитает вместе с нами весь мир и существование которых, однако, при ближайшем рассмотрении оказывается на самом деле затяжным преступлением, обновляемым каждый день, но эти люди купаются во славе, почестях, наслаждаются могуществом, их злодеяния освящены законами, и так длится с тех пор, пока суще-

ствуется история – а вы знаете, что я приложил немало усилий, чтобы познать ее, – все говорит нам, что простительная мелкая кража, и особенно жалких пищевых продуктов вроде корки хлеба, ветчины или сыра, неминуемо навлекают на совершившего ее категорическое осуждение, безусловно, отторжение обществом, великие кары, само собой разумеющееся бесчестье и неискупимый грех, и это по двум причинам: прежде всего потому, что вершитель этих злодеяний беден и что само уже это состояние подразумевает великое оскорбление для окружающих, а также еще и потому, что такое деяние являет собой своеобразный молчаливый упрек обществу... Однако до сих пор у мелких воришек в Республике имелось одно преимущество, а именно: их освобождали от чести носить оружие и быть патриотами. Но с завтрашнего дня такое положение вещей изменится, с завтрашнего дня я, вор, вновь займу свое место в войсках... Таковы распоряжения... В высших сферах решили пройти губкой по тому, что они называют «моим временным заблуждением» и это, обратите внимание, учитывая то, что они называют «честью моей семьи». Какая снисходительность! Я спрашиваю вас, товарищ, что, разве моя семья делается щедилкой и ловушкой для французских и немецких пуль вперемешку?.. Я-то ведь буду один-одинешенек, разве не так? А когда я буду мертв, что, меня воскресит честь моей семьи?.. Слышите, я ее вижу отсюда, свою семью, когда военные дела закончатся... Как все проходит. Вижу семью отсюда, ясным воскресным днем радостно резвящуюся на летних газонах. А тремя фугами ниже, я, папочка, нафаршированный червями и воняющий сильнее, чем килограмм дерьма 14-го июля, фантастически сгниваю всем своим не оправдавшим надежды мясом... Удобрять собой грядки неведомого пахаря – вот истинное будущее настоящего воина! Ах! Этот мир, уверяю вас, всего лишь огромное предприятие по уходу из этого мира! Вы молоды. Пусть эти мелкие премудрости послужат вам на будущие годы! Слушайте внимательно, товарищ, и не дайте себя увлечь, не вникнув в суть главного знака, которым сияют все закоренелые лицемеры нашего Общества: «Озабоченность судьбой и условиями существования убогих...» Я же говорю вам, людишки, дураки от жизни, всегда битые, ограбленные, потеющие, я предупреждаю вас, когда сильные мира сего начинают любить вас, это значит, что скоро они превратят вас в пушечное мясо. Это сигнал... Он безошибочен. Именно через нежные чувства все это начинается. Людовик XIV, по крайней мере, как известно, избегал того, чтобы все оттапять

у народа. Что до Людовика XV – то же самое. Разумеется, в те времена жили не очень хорошо, бедняки никогда не жили хорошо, но все-таки народ не потрошили с таким упрямством и остервенением, как это проделывают наши сегодняшние тираны. Покой, говорю я вам, малые человеки обретают лишь в небрежении великих, которые только и помышляют о народе либо из интереса, либо из садизма... Философы, и именно они, обратите на это внимание, еще и потому, что мы к ним также принадлежим, начали что-то давать народу... Народу, который ничего не знал, кроме катехизиса! Они принялись, как было объявлено, просвещать его... Ах! У них было много всяких истин, которые можно открыть народу! И каких! Но это не было утомительно! И все было проделано блестяще! Что, все стали совершенно слепыми! Именно, – принялись говорить они доброму народу, – именно так! Все именно так! Умрем за все это! Народ и просит – умереть! Вот так... «Да здравствует Дидро!» – проорали они, а потом: «Браво, Вольтер!» Они, по крайней мере, философы! И да здравствует также Карно, который так хорошо организует победы! И да здравствует все! Вот, по крайней мере, парни, которые не дают себе подохнуть в неведении и фетишизме, добрый народ! Они показывают им дороги Свободы! Они эмансипируют его. Чего тянуть? Пусть сначала все научатся читать газеты! В этом спасение! Ради Бога! И быстро! Ликвидировать неграмотность! Грамотных нужно как можно больше! Пусть будут только граждане-солдаты! Которые голосуют! Которые читают! И которые бьются! И которые шагают! И которые посылают воздушные поцелуи! Для этого режима он вполне созрел, добрый народ. Ведь страстное желание быть освобожденным должно же кому-нибудь служить? Дантон не был красноречив зря. С помощью нескольких выкриков, хорошо слышных на расстоянии, он как по мановению руки мобилизует добрый народ! И это было первое отбытие первых эмансипированных и неистовствующих батальонов! Первые голосовавшие под знаменами дураки, которых Дюмуре прихватил с собой подышать во Фландрии! Сам же Дюмуре, прибывший слишком поздно на эту идеалистическую забаву, совершенно для всех необычную, предпочитая прежде всего звонкую монету, смылся. Это был наш последний наемник... Бесплатный солдат – это было в новинку. Настолько в новинку, что Гете, сам Гете, каким он был, прибыл в Вальми и наблюдал это собственными глазами. Перед оборванными и охваченными страстью когортами, которые только что по приказу прусского короля подвергались самопотрошению за

неведомую патриотическую идею, у Гете возникло чувство, что ему еще многому следует научиться. «С сего дня, – воскликнул он напыщенно, в соответствии с привычками своего гения, – начинается новая эпоха!» Скажешь! После этого, поскольку система была великолепна, принялись пачками штамповать героев, которые, к тому же, стоили все дешевле и дешевле благодаря совершенствованию системы. Все проявили себя в этом. Бисмарк, оба Наполеона, Баррес, а также кавальерша Эльза. Религия знамен заменила религию небесную, старое облако, уже уменьшившееся в размерах под воздействием Реформации и сконденсировавшееся в епископских копилках. Раньше фантастическая мода была: «Да здравствует Иисус! В костер еретиков!», но в конце концов еретиков делалось все меньше и меньше... Отныне огромные орды кричат: «Расстрелять беззаконный сладкий корень! Лимоны без сока! Невинных читателей! Миллионы, направо!» и провоцируют по призыванию. А людей, не желающих никому вспарывать животы, а также не желающих никого убивать, этих воюющих пацифистов, – схватывать и убирать их! И прикончить их тринадцать раз! Вначале, чтобы научить их жизни, вырвать из тела потроха, глаза из глазниц и все годы их мутной болтливой жизни! Построить их в легионы и легионы, пусть подымают, превращаются в прах, истекают кровью, дымятся в кислоте – и все это, чтобы Родина стала для них более любимой, более сияющей и более родной! И если там окажутся гады, которые отказываются понимать высшую материю, им ничего не остается, как немедленно быть захороненными с другими, однако не просто, а на самом краю кладбища, под бесчестящей эпитафией трусов, не имеющих идеала, потому что они, эти мерзавцы, потеряли священное право на купленный общиной памятник, воздвигаемый на центральной аллее, к тому же потеряли право услышать отголоски разговора министра, который придет этим воскресеньем помочиться к префекту и подрать свою глотку над могилами после завтрака...

Вопросы для размышления и обсуждения в группе

1. Как вы понимаете эти пронзительные слова?
2. Может ли пример радикальной негативности, охватывающей всю явленность бессмысленного мира и существование заброшенного одиночества, судорожно стремящегося схватить последние возможности иллюзорного выбора в индивидуальной свободе, что означает лишь открытость ли-

ку смерти, как у Ф. Ницше, обернуться новым утверждением, смыслом опустошенной бессмыслицы, позитивностью восстания и бунта?

3. В период первой мировой войны большевики, преследуя вполне определенные политические интересы и основываясь на марксистской интерпретации сущности военного конфликта как эскалации межимпериалистических противоречий, пропагандировали в царской армии пораженческие настроения с помощью обобщающего лозунга «Ваш враг в тылу», а венцианские партизаны-антифашисты в 1943 г. писали: «Мы хотим разрушить все нелепые памятники “тем, кто пал за Родину”, которые пристально взирают на нас в любой деревне, а на их месте воздвигнуть памятники дезертирам. Памятники дезертирам будут представлять и погибших в войне, поскольку все они умерли, проклиная войну и завидуя участи беглеца. Дезертирство рождает сопротивление». Что для вас означает «патриотизм»?

4. Подумайте над механизмами общественного производства массовых представлений и самих категорий «нормальности» и «патологии».

5. Представьте себе историко-культурную ситуацию авторитарного политического режима, порождающего интенсивные бредовые психотические потоки речи, призванные его легитимировать, а также сопутствующие им раздвоенные формы морального поведения и поддерживаемые (автоматически воспроизводимые) травмы коллективного сознания, препятствующие подлинному (насколько это возможно) осмыслению контекстов действительности.

6. Попробуйте понять бытие подобной социальной организации в сравнении с симулякрами и штампами современной массовой культуры, которая стремится канализировать накапливаемую индивидуальную и коллективную энергию в русла регрессивных фантазмов и перманентных эпатажных эксцессов, переставших вызывать удивление и резонанс постольку, поскольку они стали обыденной формой существования «одномерного человека» и, таким образом, приводящих его к невротическим и обсессивным состояниям, связанным с принципиально не удовлетворяемым стремлением разрушения общераспространенных норм. Как справиться на личностном уровне с подобной ситуацией, когда «безумие» начинает выдавать себя за «разум», а осколки того, что раньше именовалось словом «разум», выпесняются за стены психиатрических клиник?

7. Где, в каких условиях и формах может быть обретен и реализован свободный выбор человеческого существа, решившегося действовать вопреки социальным ограничениям и абстрактному государственному принуждению?

8. Что вы понимаете под фигурацией «бунтующего человека» А. Камю?

9. Всегда ли работает схема, в соответствии с которой между дисциплинарным порядком сообщества и измерением человеческой субъективности находится непреодолимый разрыв?

10. Попытайтесь наметить сложные связи, проявляющие гибкие переходы между этими понятиями.

11. Каково может быть место трансцендентного (либо имманентного) Абсолюта в подобной подвижной структуре?

12. Как вы объясните высказывание английского историка Г. Бакла (1821–1862): «Общество готовит преступление, преступник совершает его»? Ряд современных социальных теоретиков, таких, например, как Ж. Бодрийяр (1929) или М. Фуко (1926–1984) в своих работах показали исторический процесс нарастания социального, данного нам в качестве остатка и существующего в таком качестве. В ходе своего онтологического развертывания остаток меняет свою сущность: на первом этапе он является результатом разложения и распада традиционного общества как целостно интегрированной константности – социальное возникает как появление и управление этими остатками. Бодрийяр, а также Фуко (несколько в иных контекстах) приводят в пример открытие в Европе в XVI и XVII вв. первых приютов для больных и сумасшедших, т. е. для тех, кто оказались не интегрированными в общественную группу и находились вне ее в качестве остатка. Если в традиционных социумах (Бодрийяр называет их «символическими», или органическими) больные и сумасшедшие были объединены с обществом (устаи этих «хранителей истины»), как считалось, говорил Бог), а слишком опасные просто изгонялись за его пределы (Фуко в работе «История безумия в классическую эпоху» (СПб.: Университетская книга, 1997) говорит о художественном образе и действительном существовании кораблей, заполненных сумасшедшими, перевозивших свой груз из города в город и олицетворявших пограничное положение маргиналов по отношению к параметрам общественного и разумного, определяемого в качестве такового исходя из логической оппозиции сумасшествия), то теперь парадоксальным образом общество признает изгоев в качестве части соци-

ального. На втором этапе своего разворачивания остаток принимает форму саморазмножающихся явлений – социальное как остаток органического общества отныне становится сферой производства остатков, т. е. того, что выпадает из социального, и одновременно сферой подчинения их социальному (в частности, молодежь или женщины, будучи подвергнутыми вытеснению, затем охватываются сетями контролирующей заботы). Таким образом, власть (понимаемая здесь исключительно в широком значении) биополитически инсталлирует якобы паранормальные тела, чтобы включать их в производственные массивы и специфические потребности (в том числе посредством мгновенных информационных технологий и манипуляции маркетинговыми программами), и для этого ей необходимы множественные идентификационные различия, позволяющие разрабатывать максимально обширные и многоуровневые нелинейные поля контроля и управления, рассчитанные на политический и экономический эффект.

13. Попробуйте вместе поразмышлять на эту тему и ответить на вопросы, связанные с историческими видоизменениями социальных норм в различных культурах и экономиках.

14. Что такое, по-вашему, «насилие»? Как может существовать «насилие» (и шире – «девиантное поведение» вообще) до его репрезентации в дискурсах социальных наук, вне языка с его риторическими функциями, в «мире без сознания»?

15. Можно ли понимать термин «общественный порядок» как нечто само собой разумеющееся?

16. Каким образом вполне определенный тип «общественного порядка» скрывается при помощи сложных игр властных стратегий? Приведите известные вам примеры из социальной действительности по этому поводу, используя образцы манипуляции в пространстве риторического воздействия масс-медиа.

Дидактический материал для 3 группы

Французский антрополог М. Мосс (1872–1950) различал физическое и социальное человеческое тело. В общественной реальности огромное значение имеет техника мимезиса (подражания), культивирующая определенные навыки телесности (так, господствующие в том или ином обществе представления о структурах субъективности, желания и социальных иерархиях обнаруживаются, например, даже в физических практиках поло-

вых актов – в этом смысле, концепция сексуальности З. Фрейда лишь воспроизвела на новом концептуальном уровне традиционные викторианские представления и потому подверглась столь мощной критике со стороны феминистских и неофеминистских теорий).

Как отмечали более поздние исследователи социальных отношений иистики человеческой телесности, ошибка Мосса заключалась в том, что мимезис понимался им механистически, в качестве линейного процесса; он не заметил, что само подражание возможно лишь как следствие внутреннего акта трансформации параметров конституирования себя. На самом деле, процесс подражания (внешним) социальным стандартам и наше (внутреннее) самоощущение этого процесса не противостоят друг другу, ибо внутреннее суть продолжение внешнего, это становление Другим, где Другое «срабатывает» собственным, преобразует его и заново обнаруживается (выносится наружу в динамике совмещений).

Попробуйте связать эти размышления с темой нашего занятия, а также с еще одним текстом, приведенным ниже. Это – отрывки из работы французского философа-диалогиста Э. Левинаса (1906–1995) «Философское определение идеи культуры» (опубликовано в книге «Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности» М., 1990, с. 86–96):

...Следует отметить, что между множеством различных культур может происходить общение – и не только в форме войны; что при определенном «состоянии» человеческой культуры – я имею в виду современность, вступающую в общение со всем миром, – ставится сама проблема культуры, и это состояние, не отчуждаясь и не переходя в другое состояние, проявляется в научном интересе ко всем другим культурам и в готовности их понять...

Современность можно определить как именно такое состояние культуры, когда сама идея природы, мыслимая как столь важная для греческой культуры идея инобытия, представляется всецело изобретением человека... Там значимость и ценность вещей и произведений искусства измеряются человеческим трудом, талантом или вкусом, зависят от технических средств производства, а значит – от истин и теорий и, следовательно, от научных и художественных институтов и в конечном счете от того, как люди собираются, говорят, подчиняются и управляют...

Однако повсюду в этой цивилизации, надевшей личину «второй природы», прочитывается прошлое поступков на свой вкус «присвоения»,

в котором первобытное Другое становится «моим» или нашим; идеи, пришедшей к Я в его согласии с собой, в согласии, предшествующем любому разногласию и, вероятно, всегда его предполагающему; т. е. идеи «внешней», но уже схваченной и, следовательно, идеи как бы пришедшей от себя в необратимом согласии с собой, идеи «интериоризированной». Повсюду Другое уже готово воспринять самость Я, которое как таковое принадлежит себе и не обязано ничему соответствовать, которое осознает себя и не обязано по какому-либо отличительному признаку распознавать То же самое, само-по-себе-взаимозаменяемое. Но другое, всегда стоящее рядом с идеей Того же, – это рожденная свободным намерением умопостигаемость Другого, значимость осмысленного.

Итак, культуру можно, прежде всего, интерпретировать – и это исключительная черта Греко-римского Запада – как интенцию снятия Инаковости чуждой и заранее данной нам природы, подстерегающую и нарушающую непосредственное тождество, каким является «То же самое» человеческого Я.

Таким образом, знание может пониматься как отношение человека к чему-то внешнему, отношение Того же к Другому, где Другое лишается своей обособленности и интериоризируется в моем знании, а его трансцендентность становится имманентностью. Именно адекватность знания бытию с момента зарождения западной философии позволяет утверждать, что нам известно только то, что было нам давно знакомо, но забыто в глубине нашего Я. Ничто трансцендентное не может затронуть наш разум, действительно расширить его границы. Это культура человеческой автономии и, вероятно, с самого начала глубоко атеистическая культура. Мысль о том, что равно мысли...

Но следует задать вопрос, не может ли умопостижимость, понимание как снятие антагонизма между Тем же и Другим, означать нечто иное, чем сведение Другого к Тому же или превращение Другого в То же самое, когда Другое приводится в соответствие с Тем же. Следует, например, спросить, означает ли несхожесть другого человека с множеством людей только логическое противопоставление сторон – одних против других – в раздробленном Целом, строго обратные отношения между которыми подчинены исключительно единству этого Целого, этого расколотого на части Единого; иными словами, следует спросить, возможно ли, что несхожесть Другого Человека со множеством людей приобретает определен-

ное значение благодаря знанию – политическому, но, в сущности, знанию, – в котором Я рассматривается как часть Целого, управляющего человеческим единомыслием в образе организма, единство которого обеспечивается сплоченностью его членов. Или же – это другая альтернатива – следует спросить, не носит ли для Я непохожесть другого человека, непохожесть чужого с самого начала абсолютный характер в этимологическом смысле слова, так что чужой является другим не просто в логическом или формальном смысле (т. е. другим на таком основании, которое возможно логически или даже трансцендентно преодолеть, обратившись к синтезу кантовского единства «я мыслю»), а ни к чему не сводимым другим, непохожесть и обособленность которого не поддаются никакому синтезу и предшествуют любому единству; при этом отношение Я к Другому есть отношение к нежелательному чужаку, а дружелюбие не зависит от предварительного признания и построения целостности: Этическое отношение! Проект культуры, предшествующей политике и не сводящей близость Я к ближнему к некоторому недостатку или к утрате единства Единого. Отношение к другому как к таковому, а не отношение к другому, уже сведенному к тому же самому, «употребленному» Я. Культура трансцендентности, а не превосходства, намеренно отказавшаяся от имманентности, слышущей на Западе высшей благодатью духа...

Исходя из этой прямолинейности отношений между Я и другим, в одной из своих работ мы писали, что лицо является для всякого Я – является для меня – одновременно искушением убить и заповедью «не убий», которая меня уже обвиняет, меня подозревает, мне запрещает, но уже ко мне взывает и от меня требует. Близость ближнего – это моя ответственность за другого. Ответственность за другого человека, невозможность оставить его одного перед таинством смерти, т. е. конкретно – способность к восприятию конечного дара умереть за другого...

Это такая же общезначимая культура, как современная культура знания и техники и как культура, обращающаяся в университетах к культурным формам, не принадлежащим греко-римскому наследию. Но в отличие от культуры знания, техники и искусства в этой культуре речь идет не о том, чтобы утвердить тождественность человеческого Я самому себе, поглотив Другое природы или выразив себя в нем, но чтобы поставить под вопрос саму эту тождественность, неограниченную свободу и могущество Я, не лишая его неповторимости. Этическая культура, в которой лицо дру-

того, лицо абсолютно другого, пробуждает в тождестве Я не подлежащую передаче ответственность за другого человека и достоинство избранника.

...Культура – это не возвышение над трансцендентностью и не ее нейтрализация; она состоит в этической ответственности и обязанности, направленной на другого; это отношение к трансцендентности как к трансцендентности. Его можно назвать любовью. Над ней властвует лицо другого человека, которое не дано в опыте и не приходит от мира...

Вопросы для размышления и обсуждения в группе

1. Какой парадокс стремился разрешить Э. Левинас и каким образом (с помощью каких теоретических допущений) он это сделал?

2. Как бы вы разрешили логическое затруднение, связанное с идентификационными практиками различных общественных групп и индивидуумов, которое сводится к следующему: если А определяется только через логическую противоположность В, то говорить об автономии А оказывается проблематичным?

3. Известно, что в плоскости политической практики «достижение инаковости» зачастую оборачивается позицией «фундаментального необладания». При этом подлинное беспокойство в логике классической либеральной демократии вызывает факт, когда «обеззараженная» (конституируемая в поле имманентности) друговость отказывается признавать себя таковой – в таком случае она моментально провозглашается «терроризмом» или «экстремизмом». Более того, сам демократический тезис «все люди различны» может усиливать механизмы неравенства или формы постсовременного расизма.

Что вы можете рассказать, исходя из предлагаемой логики анализа и общего вектора размышлений, заданных нашей проблематизированной темой занятия, о практиках современного искусства? Возможны ли эстетические нормы, и если да, то, как они возможны?

4. Известно, что зачастую «друговость» вменяется в качестве «другой» структуры телесности, неофициальной, непубличной и латентной. Так, например, образ постсоветской телесной альтерации может символизировать сидящий на цепи голый художник-собака О. Кулик, кусающий посетителей западных художественных выставок (подробное интервью с ним вы можете найти в книге «Скотомизация. Диалоги с Олегом Куликом» (М., *Ad Marginem*, Прагматика культуры, 2004). Другой пример – ма-

зохистские практики боди-арта, которые описала Р. Салецл в работе «Извращения любви и ненависти» (Художественный журнал, 1999), интерпретируя их в качестве поиска стабильности в дезинтегрированном мире посредством истязания тела, которое остается последним реальным прибежищем от симулятивных воображаемых подобию постмодерна, и, таким образом, является способом утверждения аутентичной аффективной устойчивости против символической динамики синтезированного сущего. По-вашему, можно ли победить в этом зрелищном спектакле, играя глубокой против отблесков соблазнительных поверхностей?

После основательной работы в подгруппах идет обсуждение проблемы (проблем), которая предлагается всем участникам.

Исходя из обозначенных нами направлений смысловых вопрошаний, в качестве творческого задания желаемым предлагаем тему эссе «Мир без границ и преодоление границ». Это даст возможность провести в дальнейшем совместные дебаты и свободные обсуждения предложенных проектов.